

Касрашвили
Маквала

Чтобы быть хорошей певицей,
мало иметь голос, нужна чистоплотность души, нужна совесть. Это Маквала Касрашвили.

Борис Покровский.

РАНЕЙ весенней порой прошлого года я отправился на концерт в Большой зал консерватории. Народная артистка СССР Маквала Касрашвили исполняла романсы Чайковского. Это был один из юбилейных концертов, посвященных 150-летию со дня рождения великого русского композитора.

Март — тяжелый месяц, он соединяет в себе все худшее от зимы и все худшее от весны. В сызком-сызком, мешающий снег с дождем, продуваемый железным ветром под вечер пустился я в путь на встречу с музыкой, и в душе звучали отголоски радости, оставшейся от юных дней, когда посещение концерта, спектакля было праздником. Этот праздник угас с приближением к консерватории. Улица Герцена в части, примыкаю-

Юрий
Нагибин

Неторный путь Маквалы Касрашвили

щей к храму музыки, была перекроена, перерыта, пережжена. Зияли бездонные провалы, обнесенные хрупкими заборчиками, страшные каналы уходили к таинственным недрам земли и отделяли проезжую часть от поруганных бурстах тротуаров с содранной кожей асфальта; что-то рычало, лязгало, грохотало, стонало в недоброй, просковленной изжелта-розовым болным светом, роящейся снежно-дождевой влагой тьме. Какое-то сюрреалистические фигуры, оступаясь, падая, вскидывая руки в мольбе отчаяния, вскрикивая ранеными голосами, влеклись к незримой цели, ища там спасения. Привычная, милая и радостная суетня у консерваторских дверей обернулась гибелью Помпеи.

У двух досок, перекинутых через ущелье, я поскользнулся и упал боком на грязную-наледь. И тут же раздался женский крик. В двух шагах от меня билась на обледенелой земле типичная консерваторская старожилка с седыми буколками, поблизости велящая маленьким перламутровым биноклем. Мое падение породило ценную реакцию: по другую сторону ущелья распростерлось еще одно тело — в котиковой шубке.

Возле консерваторского двора я снова оступился, удеревшись челоюстью о ледяную шапку сугроба. Добравшись до ограды, я остановился передохнуть. Сквозь реющую муть мухихинский Чайковский вздымал руки к безжалостному, источающему неоправданную сочье небу, кокетливо изогнувшись, будто дирижируя мирозданием, нет, собираясь пуститься в пляс. Вернее, уже приплясывал, пока что сидя. Мне вспомнилось, что в Ленинграде пляшут все памятники; и аникушинский Пушкин, и Киров на Московском проспекте, и Ленин на той же магистрали, лишь Чернышевский печально тужится на горшке. Странно, дико? Ничуть. В этом сказало социальное-эстетическое кредо эпохи, так и не оправившейся после ошеломляющего заявления Сталина в разгар террора: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее». Вот и заплясали обронившие страдальцы, включившись в наш развеселый социалистический хор.

Войдя в вестибюль, я решил посмотреть афишу концерта, но ее не оказалось. Было много всяких афиш, но имени Касрашвили на них не значилось. Неужели отменили концерт? Пробравшись к окошечку администратора, я услышал, что концерт состоится. «А почему нет афиш?» Администратор развел руками: мол, спросите о чем-нибудь попроче.

Войдя в зал, я испытал новое раздражение. Среди знаковых старых медальонов великих композиторов прошлого выделялись грубостью подделки изображения консерватор-

ских новоселов: Даргомыжского, Мусоргского, Римского-Корсакова. Я стал вспоминать, кого так самовольно выселили Генделя, Гайдна, Мендельсона-Бартольди. Я думаю, что оскверненная тройка отечественных композиторов просто умерла бы от стыда при одной мысли, что из-за них из парадных комнат музыки вынесут величайших ее творцов. И тут я увидел медальон основателя консерватории Николая Рубинштейна и подумал, на каком основании его детские передарили Чайковскому? Что за омерзительная манера распоряжаться тем, что не твоей создано, цинично присваивать, а потом раздаривать чужие замыслы, чужой труд? И что за безбожное самоуправство в царстве мертвых? С великими покойниками ведут себя, как с живой номенклатурой: кого-то снимают, кого-то назначают, кого-то поднимают, кого-то исключают из рядов...

Преисполненный «глиняных обид» — выражение Мандельштама, — я был близок к тому, чтобы уйти с концерта, но тут на сцене появилась невысочкая женщина с широким милым лицом под жгуче-черными волосами, улыбуналась какой-то далекой, улыбающей улыбкой и сильным, звучным голосом запела «Страшную минуточку». «Какой прекрасный смуглый тембр!» — успел подумать я, и разом исчезли обиды и раздражение, мерзость пути сквозь разор и боль в отбитом боку перед тайной и чудом воплощающегося таланта. Как дивно отлаживает и прямит душу настоящее искусство! Меня будто вновь собрали нацело, но не из лоскутков житейщины, а из какой-то созысней и важной субстанции. Может, это и есть тот способ, каким красота спасет каждого из нас, а вместе с нами и весь мир? В нашем сегодняшнем уродстве мы так часто вспоминаем эти слова Достоевского, что стерли их смысл, как герб с захватанной монеты, а ведь он есть, высокий этот смысл, и в нем едва ли не последняя надежда.

Не помню уже, кто сказал: что можно еще извлечь из грусти после Чайковского? Конечно, Чайковский работал не только из этого материала, иначе не было бы ни Первого концерта, ни «Пиковой дамы», ни Шестой симфонии, но почти все романсы его насквозь элегичны. Исполнителю целого романского концерта грозит опасность однообразия. Касрашвили этой опасности избежала, ибо пела не грусть, а чувства, порождающие ее: любовь, сомнение, боль утраты, неверия, страх ожидания, чем создала интонационное богатство, разнообразие...

ПУТЬ Маквалы Касрашвили, дочери кутаисских служащих, был на редкость прост, прям и при этом весьма неторен. Голос у школьницы порезался очень рано, в тринад-

цать лет ее приняли в музыкальное училище. К этому времени стало очевидным, что голос поставлен от природы. Но в музыкальном училище природная постановка красивого голоса никого не обрадовала, скорее наоборот: что делать учителям, если девочка уже поет правильно? Преподаватели по-мичурински отважно вторглись в божье дело: стали переучивать Маквалу. Через четыре года старательной учебы голос почти пропал. С тем, что осталось, Маквала поехала в Тбилиси поступать в консерваторию. Окружающим это казалось жестом отчаяния, никто не верил, что ее примут. Кроме самой Маквалы, знающей цену своему упрямству и упорству.

Она стремилась в класс Веры Давыдовой, некогда покорававшей Москву в роли Кармен. Характер у прославленной меццо-сопрано был прямой и жесткий. Прослушав Касрашвили, она сказала решительно:

— Зачем мне этот безголовый ящик?

Но в конце концов позволила себя уломать и не пожалея об этом. Голос молодой певицы восстановился на редкость быстро. Еще до окончания консерватории, она получила приглашение на прослушивание в Большой театр — главный оперный дом страны. Случилось это так. В Тбилиси оказался заведующий оперной труппой ГАБТа, в прошлом превосходный певец А. Орфенов, он услышал Касрашвили в консерваторском концерте и влюбился в ее голос. Маквала отважно поехала в столицу и была принята в стажерскую группу.

В ту пору в Большом театре блистали два сопрано: Галина Вишневская и Тамара Милашкина. Конечно, они и внимания не обратили на застенчивую девушку из Тбилиси. И тем более радостным оказалось для дебютантки, когда в скором времени сама Вишневская написала о ней большую и на редкость добрую статью, сыгравшую решающую роль в утверждении Касрашвили на сцене ГАБТа. Щедрый, широкий, сердечный жест большого человека!

Великим счастьем для молодой певицы стали дружба и поддержка Галины Вишневской, работа с М. Ростроповичем и Б. Покровским над партиями Татьяны в «Евгении Онегине» и Наташи Ростовской в «Войне и мире». Сама Касрашвили называет это своей музыкальной академией. Прочно и глубоко усвоенный творческий метод больших художников поможет Касрашвили не растеряться и продолжать наращивать мастерство в черные дни Большого театра, когда опера останется без своих лидеров.

Первая и невосполнимая потеря: Вишневская и Ростропович. Слабым и горьким утешением явилась для Маквалы перешедшая к ней от Вишне-

вой роль Полины в «Игроке» С. Прокофьева, которую она исполнила с мастерством и блеском, достойными ее предшественницы.

Ростропович первый нашел слова для музыкального своеобразия Касрашвили, сказав об «аристократичности ее вокального стиля». Тем же аристократизмом был отмечен и дух певицы: в отличие от столь многих она не изменила своего отношения к друзьям, когда над ними грянула гроза. Это крайне стимулировало тот эпистолярный жанр, которым в совершенстве владели нежные сопрано, героические тенора, мужественные баритоны и могучие басы, извлекающие свои нижние ноты из преисподней. Не раз и не два распыковывала Маквала тщательно уложенные для долгих гастролей чемоданы. Сейчас и не вспомнить, сколько было сорвано поездок, погублено контрактов.

Маквала не бытовой человек. Поездки были ей нужны не для приобретения шмоток, хотя и это необходимо человеку. Но ведь иные, притом лучшие свои партии она спела не на родной, все более скудеющей сцене, а под чужими оперными небесами: донну Анну и Вигелию — в лондонском «Ковент-Гардене», Аиду — в Праге.

Нравственная пытка длилась семь лет. Ко всему еще вынудили уйти Бориса Покровского, лучшего, если не сказать единственного оперного постановщика той поры; с ним создала Маквала блистательный образ Тоски в неуязвимом спектакле. Из хором Большого театра Покровский спустился в полуподвал Камерной оперы, приоткрывшейся возле станции метро «Сокол», и в умелых руках оперного строителя незатраченный театр со сказочной быстротой вымахал выше гиганта на Театральной площади. Естественно, что Касрашвили от этого не было легче.

Маквала очень незащищенный человек, ей равно чужд и наш косматый, клякастый предок, и цивилизованный дикарь, мажорный перо в смесь желчи со змеиным ядом. Только не следует думать, что ее незащищенность оборачивается слабостью. Она покладиста в быту, ибо это не главное, но в работе упорна, неумолима, тверда и ничего не берет на веру. Ее постоянный концертмейстер и друг Лия Могилевская говорит: я могу делать безответные замечания Маквале лишь за минуту до ее выхода на сцену, тогда она не успевает ответить...

ТАЛАНТ — защита в чем-то слабая, а в чем-то весьма надежная. Как ни крути, Большому театру надо было давать спектакли, ставить, хоть изредка, что-то новое, а после отъезда Галины Вишневской ее сопернице Т. Милашкиной при всем желании не вышести было на своих усталых плечах

Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ,
к несчастью, был.

Репертуар певицы неизменно расширялся. Тут и Верди — «Аида», «Бал-маскарад», «Отелло», «Трубадур», «Реквием»; и Моцарт — «Дон Жуан», «Свадьба Фигаро», «Милосердие Тита»; и Чайковский — «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Орлеанская дева», «Иоланта»; и Римский-Корсаков — «Псковитянка», «Сказание о граве Китеже и дева Феврония», «Млада»; и Пуччини — «Тоска», и Масканьи — «Сельская честь», и Прокофьев — «Война и мир», «Семен Котко», «Игроки»; и Шостакович — «Катерина Измайлова».

И все же полного счастья не было. Настоящая певица творит на каждом спектакле, так происходило и с Маквалой, но есть высшее творчество, дающее наибольшее удовлетворение: создание новой роли в общем усилии с теми, кто знает свое сокровенное. Она испытала это, создавая Татьяну Ларину, Наташу Ростовую, Полину, Флорию Тоску... Ей долго пришлось ждать своего часа, но он настал, когда новый главный дирижер Александр Лазарев вернул в театр Бориса Покровского. С ними и художником Валерием Левенталем Маквала создала интереснейший образ Войска в мало популярной опере Римского-Корсакова «Млада». Разнообразные, порой весьма замысловатые актерские задачи сочетаются тут с труднейшим вокальным материалом. Усилия единодушных артистов принесли Маквале одну из самых дорогих для нее побед. А затем последовала «Орлеанская дева», и это стало «реабилитацией» незадачливого детища Петра Ильича...

Талант может выручить (так и случилось с Касрашвили), но талант может и крепко подвести. Маквала не любит рассказывать о дурном в своей жизни (это признак высокого достоинства), другие люди поведали мне о ее злоключениях, в том числе об одной неудаче с несколькими комическим оттенком. Она была приглашена петь Амелию («Бал-маскарад» Верди) в очередь со всемирной звездой Катей Риччарелли. Странная судьба у этой певицы. Она быстро сделала карьеру, а участие в фильме Дзеффирелли «Отелло», где она пела и играла Дездемону, вознесло ее на вершину славы. А затем начались неудачи, даже провалы, когда публика ее осияствовала. Однажды, во время такого вот фиаско в «Ла Скала», ее муж П. Баудо, самый популярный ведущий итальянского телевидения, стал оскорблять публику, а потом кинулся в драку. Катя часто была не в форме, но упорно выходила на сцену. Слова ее приобретали несколько скандальный оттенок, но публика преданна своим любимцам, и Катя по-прежнему делала сборы, а ведь

касса правит бал на театре, как и на всех других подмостках жизни.

Примадонна забрала себе все репетиционное время, но однажды совсем расхворалась, раскпризначилась, и Маквала предложила репетировать вместо нее. Тут не требовалось «полной гибели всерьез», можно было петь вполголоса, как это принято на репетициях. И будь Маквала похитрее, она сама бы поняла: не надо раскрываться до конца. Но уж очень хотелось петь. Маквала всегда в форме, хотя любит пожаловаться на трахеит и покашлять в духе Травнаты из четвертого акта, а тут еще душевный подъем, присутствие в зрительном зале Лучано Паваротти, дух соревнования, и она развернулась во всю силу. Сперва в трио, а затем и в арии. «Ну знаешь», — сказал великий тенор Кате Риччарелли, — если эта девочка будет так петь, тебе не видать Амелии». Это решило дело. Риччарелли бросила ломаться, взялась за репетиции, и хотя голоса не вернула, забрала себе все восемь спектаклей. Разорвать же контракт с примадонной никто, разумеется, не решился... И Маквала осталась, как говорится, с носом.

КРОМЕ голоса, у Касрашвили есть и другой дар — артистизм. И артистизм этот чудесно преображает на сцене невысокую женщину средних лет, делая из нее то порывистую, страстную Флорию Тоску, то мечтательную, тихую Татьяну Ларину, то шестнадцатилетнюю французскую пастушку, которая слышала голоса не то святой Екатерины, не то святой Елизаветы, и этим неотчетливым утверждением увлекла за собой всю нацию на освободительную войну. Для любой певицы подвиг — хотя бы не стать смешной в роли экзальтированной отроковицы, но Маквала совершает чудо: она создает щемяще трогательный образ Жанны в «Орлеанской дева». Чем это достигается при полном несоответствии физических данных актрисы и крестьяночки из метечка Арк? Не знаю... Улыбкой, порой простодушной, наивной, а порой словно бы ироничной по отношению к самой себе, порывистым движением, внимательным, доверчивым взглядом и детской серьезностью в каждом поступке: надевает ли шлем, берет ли в руки меч, обращает ли меч против врагов — все такие не девичьи поступки и такие девичьи жесты. И веришь, что эта пастушка, наславшаяся тайных голосов, поведет за собой оробевшую рать и одержит победу.

Тут нет перевоплощения, Маквала остается слишком похожей на себя, это открытие в глубине души тех страстей, что превратили пастушку Жанну в Орлеанскую деву. Сказанное можно повторить о других созданиях Касрашвили: Аиде, Тоске, Дездемоне, Татьяне... Часто говорят об элитарности Касрашвили, объясняя этим и отчасти оправдывая некоторый разрыв между художественным масштабом артистки и ее популярностью. Известность ее должна быть шире, а имя больше на слуху.

Наш главный оперный дом в значительной мере отдал на откуп иностранцам, в партере и ложах бенеуара чаще услышишь иноземную, нежели русскую речь. Выступая здесь, не больно прославившись у земляков. Известность певцам приносит концерты, радио и телевидение. Касрашвили обладает обширным концертным репертуаром: от классики до Пендеревского. Она выступала с лучшими оркестрами мира: Питсбургским, Балтиморским, Монреальским, Амстердамским, оркестром Би-би-си. Но она не пела на родине в сопровождении отечественных оркестров. У нее почти не было сольных концертов. В Большом зале Московской консерватории Касрашвили появлялась в концертах Зураба Соткилавы, однажды заменила заболевшего друга по Тбилисской консерватории, был еще тот безафишный, как будто секретный концерт памяти Чайковского, с которого начался мой рассказ. Ее не услышали по радио, не увидишь по телевидению. Слишком изысканна, элитарна? Да, она не пойдет ради популярности на потакание низменному вкусу, не изменит своему тщательно подобранному репертуару, включающему лучшее из наследия прошлого и высокие нынешние достижения, но не следует принижать наших радиослушателей и телезрителей, якобы не способных вышагнуть из магического круга поп-культуры.

Все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать, — говорит норвежская поговорка. Маквала доказала, что ждать умеет. Очевидно, дожждется она своего часа и на концертной эстраде, и на радио, и на телевидении.